

Придёт ли китайский капитал на Дальний Восток?¹

Анатолий Евгеньевич Савченко,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: savich21@mail.ru

В статье анализируются перспективы новой модели развития Дальнего Востока в свете постсоветского опыта дальневосточной политики. Рассмотрены основные политические факторы, препятствовавшие привлечению иностранного капитала в этот российский регион в 1990-е гг., и их трансформация до настоящего времени.

Ключевые слова: Дальний Восток, региональная политика, территория опережающего развития, иностранный капитал.

Will Chinese capital come to the Russian Far East?

Anatoly Savchenko, Cand. Sc. (History), Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article is devoted to perspectives of newly adopted model of development of Russian Far East in the context of post-soviet experience of far-eastern policy. The main political factors, which obstacles to attract foreign capital to this Russian region in 1990-s, as their transformation till present time, is considered.

Key words: The Far East, regional policy, territory of priority development, foreign capital.

В настоящее время в России происходит смена стратегии развития Дальнего Востока. После десятилетия массивных государственных инвестиций в эту территорию в Москве решили сделать крутой разворот в дальневосточной политике и опереться на привлечение частного капитала как российского, так и иностранного. Важно подчеркнуть, что такой разворот — это волевое решение высшего руководства страны, следствием которого стала смена кадрового состава в Министерстве по развитию Дальнего Востока. Предыдущий министр В.И. Ишаев был активным сторонником продолжения прежней политики.

Опора на частные инвестиции в развитии Дальнего Востока нет реалистичных альтернатив: неосвоенные пространства региона требуют огромных и долгосрочных вложений, а государство уже давно не испытывает

¹ Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) Проект № 14-18-00161 «Дальневосточный ресурс интеграции России в АТР: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия» и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект № 14-31-01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987—2013 гг.)».

того переизбытка средств от притока нефтедолларов, который наблюдался в 2005—2008 гг. Тем не менее Москва не может свернуть активную дальневосточную политику: в эту территорию за 2000-е гг. вложено очень много денег — с 2002 по 2012 г. государственные инвестиции в регион увеличились в 13,3 раза [6]. Президент многократно публично объявлял о приоритетности его развития, в структуре государственного управления уже сложилась определённая система лоббирования интересов Дальнего Востока. Поэтому мы являемся свидетелями попыток руководства страны сохранить высокие темпы развития этой территории, заместив при этом государство частным капиталом, привлечь сюда как российских, так и иностранных инвесторов.

Сама цикличность дальневосточной политики — явление не новое. Прилив государственного внимания к региону не раз сменялся мощным отливом, отрезвляющим всех поборников «разворота» России в сторону АТР. Эта волнообразность отмечена историками на материалах как XIX, так и XX в., а недавно экономисты даже предсказывали приблизительные даты начала следующего спада — во втором десятилетии текущего столетия [4; 4, с. 7—28; 11, с. 22—28]. После 2012 г., когда завершились мероприятия, связанные с подготовкой к саммиту АТЭС во Владивостоке, этот спад, казалось бы, наметился. А совсем недавно появился и новый объект особого внимания, отодвинувший Дальний Восток на задний план — вернувшийся в состав России Крым. Но дальнейшие события нарушили традиционное чередование этих геополитических ориентаций.

Что действительно является новым в современной ситуации, так это геополитический расклад, на фоне которого происходит смена цикла дальневосточной политики. Её понижательный тренд столкнулся с мощной контртенденцией, вызванной фактической изоляцией России с Запада и её сближением с Китаем. На высшем политическом уровне страны не только принимают многообещающие политические декларации, но и подписывают экономические соглашения на сотни миллиардов долларов, связанные с освоением ресурсов восточных территорий нашей страны. В недавно принятом «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия» прописаны обширные планы экономического сотрудничества двух стран, в том числе и на Дальнем Востоке [14, с. 5].

Поэтому, когда в России говорят о привлечении иностранных инвесторов для развития Дальнего Востока, подразумевают прежде всего Китайскую Народную Республику. Здесь много объективных экономических и географических причин, но в последнее время всё большую роль в нашей ориентации на сотрудничество с Китаем играет и геополитический фактор.

О потенциале международного сотрудничества в деле развития региона написано и сказано уже немало. Об этом говорится уже более 20 лет. Данная статья посвящена другому вопросу: сложились ли к настоящему времени внутренние политические условия для привлечения

иностранный капитал на территорию региона. Этот фактор традиционно остаётся в тени, уступая первенство анализу международных интересов в развитии Дальнего Востока. Между тем современные проекты развития региона на основе частных, прежде всего иностранных инвестиций, на самом деле не новы, а их бэкграунд — негативный. В этой связи наша цель — понять, что изменилось, а что осталось прежним в обозначенных выше условиях. Мы опускаем избитую тему эффективности институтов или же обсуждение долгосрочных макроэкономических и природно-географических параметров, но сосредоточимся на тех сферах, где заметны изменения, а также на тех, где они необходимы.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что есть как минимум три сферы, в которых произошли большие перемены за последние годы:

1. геополитическая ориентация России;
2. преодоление страхов и стереотипов;
3. настройка системы государственного управления.

Далее мы рассмотрим каждый из пунктов подробнее.

1. В сфере геополитических ориентаций России стремительные изменения произошли буквально за текущий год. И об этом стоит отдельно сказать, имея в виду цикличность, присущую дальневосточной политике. В 2014 г. государство осуществило геополитический выбор (сознательно или же он был сделан за нас). Сам факт «отлучения» РФ от западного мира — это отдельный вопрос. Тем не менее уже понятно, что России будет очень трудно развиваться за счёт ресурсов Запада как финансовых, так и технологических. Более чем двадцатилетняя политика встраивания в западные экономические и политические структуры исчерпана. И если в 1990-е гг. существовали и даже обсуждались на высшем уровне власти идеи привлечения Соединённых Штатов Америки к развитию Дальнего Востока, чтобы сбалансировать растущую мощь Китая [ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 28. Л. 42—45], и даже в этом году президент России выдвигал лозунг «Европа от Владивостока до Лиссабона» (в частности, он сформулировал этот тезис на саммите Россия — Европейский союз 28 января 2014 г., потом вернулся к этой идее в ходе «Прямой линии» в апреле [7; 12]), то в настоящее время всем понятна абсолютная фантастичность подобных намерений. Сегодня на повестке дня стоит другая задача — привлечь капитал Азиатско-Тихоокеанского региона для того, чтобы нейтрализовать политику стран Запада по сдерживанию России.

Принятие громких деклараций о сотрудничестве России и Китая на высшем политическом уровне — дело привычное, но теперь они подкреплены масштабным проектом строительства газопровода «Сила Сибири». А намерение одной из крупнейших и влиятельных организаций предпринимателей «Деловая Россия» наладить кредитование российско-го бизнеса азиатскими банками — это новая и многообещающая кампания [10], тем более что китайские банки уже приходят работать в РФ, создавая дочерние организации. Правда, до недавнего времени их было лишь

три: «China Construction Bank», «Торгово-промышленный банк Китая» и «Банк Китая», а совсем недавно Центральный банк зарегистрировал «Agricultural Bank of China Limited» [5; 15]. Поэтому можно с уверенностью прогнозировать в ближайшей перспективе разворот России в сторону АТР и прежде всего Китая. Это объективная тенденция.

Развитию этой тенденции способствовали и другие значимые изменения, накопившиеся за последнее десятилетие. Это не только материальные вещи, позволившие государству совершать геополитические манёвры. Ближайший пример — создание инфраструктуры для экспорта углеводородов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (имеются ввиду трубопроводы «Восточная Сибирь — Тихий Океан»: ВСТО-1 2006—2009 гг., ВСТО-2 2010—2013 гг.; в текущем году началось строительство газопровода «Сила Сибири», который позволит экспортировать в Китай газ, добываемый в Иркутской области и в Республике Саха (Якутия)).

Не менее важны и изменения в ментальной картографии российской элиты, во всяком случае, той, что принимает ключевые решения. Руководство страны больше не ищет политической легитимации на Западе, который до недавнего времени обладал монопольным правом признавать или не признавать результаты выборов, определять уровень их демократичности, «рукопожатность» того или иного лидера. Развеялся и страх быть изгнанными из престижных западных клубов вроде «Большой Восьмёрки», наше участие в которых было во многом символическим.

Кроме этого, в российском руководстве заметно ослабло влияние либерального крыла, традиционно ориентированного на Запад, но возросла роль сторонников самостоятельной внешней и экономической политики, активного участия государства в экономике. Это значимый аспект, поскольку ориентация на Запад имеет и отчётливо идеологическую, и даже мировоззренческую подоплёку, которая часто бывает сильнее прагматических расчётов. Интеллектуальные стереотипы и штампы наносят развитию страны не меньше вреда, чем «ресурсное проклятье» и избыточное вмешательство государства в экономику.

Конечно, есть опасность преувеличения значимости рассматриваемых нами тенденций. Например, И. Валлерстайн считает, что российско-китайское сближение — это геополитическая игра В. Путина и Си Цзинпина, цель которой спровоцировать борьбу Европы (прежде всего Германии) за Россию, с одной стороны, и сделать США более сговорчивыми в признании интересов Китая в Северо-Восточной Азии — с другой [16]. В российской внешней политике существует давняя традиция использовать Азию для продвижения своих европейски ориентированных интересов. И не кроется ли за рассуждениями главы «Газпрома» о бесперспективности европейского рынка желание произвести впечатление на чиновников из ЕС, напугав их перспективой ухода на более прибыльный рынок АТР [1]? Сегодня ещё нельзя уверенно сказать, наблюдаем ли мы рождение новой геэкономической стратегии России или же перед нами конъюнктурные «колебания» политики вслед за направлением экспортных ресурсных потоков.

На это можно возразить, что внимание руководства России к АТР и Дальнему Востоку начало усиливаться намного раньше, чем разразился глубокий кризис взаимоотношений с Западом. Внешнеполитическая конъюнктура совпала с долгосрочной (пусть и слабовыраженной) тенденцией. И даже в том случае, если украинский конфликт будет разрешён в ближайшее время (что само по себе маловероятно), быстро наладить отношения не получится: доверие между двумя сторонами подорвано основательно, а фундаментальные причины конфликта (стремление Запада закрепить за Россией роль проигравшей стороны в холодной войне и ограничить процессы реинтеграции постсоветского пространства) никуда не делись. К тому же сейчас сложно даже представить те условия, при которых бы развеялось геополитическое отрезвление российского руководства по поводу перспектив партнёрства с США и Европой. В этом смысле 1990-е гг. «ушли» безвозвратно, и если западный вектор нашей внешней политики останется наиболее важным, то локомотив для развития мы вынуждены искать на Востоке.

Геополитический разворот России в сторону АТР не имеет прямого отношения к развитию Дальнего Востока. Он лишь создаёт благоприятный фон, открывая «окно возможностей» для нестандартных ходов и решительных действий. Воспользуемся ли мы ситуацией, пока оно не захлопнулось? Это уже во многом зависит от тех, кто принимает стратегические решения, руководит дальневосточной политикой и обеспечивает её реализацию на местах.

2. Следующее важное изменение — преодоление стереотипов. Россия на протяжении всей своей истории боялась потерять Дальний Восток [1]. Традиционная дилемма дальневосточной политики состояла в следующем: как развивать эту территорию — акцентируя внимание на её защите или же на активном освоении? На первый взгляд мощный подъём Азиатско-Тихоокеанского региона в конце XX в. в сочетании с экономическими реформами в СССР/России однозначно склонял чашу весов в пользу второго варианта. Но в этот же период государство радикально сократило все внутренние ресурсы для развития Дальнего Востока: от финансовых средств до демографического потенциала, большая часть которого осталась в теперь уже суверенных государствах Средней Азии.

Более того, после распада СССР дезинтеграционные процессы перекинулись на Российскую Федерацию. Хотя в отбирании у Москвы полномочий и ресурсов лидировали этнические республики Поволжья, русские регионы пытались не отстать от них. Именно в этом контексте в начале 1990-х гг. всплыла идея сначала «Дальневосточной», а потом и «Приморской республики».

В 1990-е гг. среди либерального блока в правительстве доминировало мнение, что местные власти и население склонны к сепаратизму, а сам Дальний Восток будет развиваться под сильным иностранным влиянием [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 158. Л. 114—115]. Такие настроения умело подогревали и губернаторы, регулярно пугая Москву сепаратистски-

ми устремлениями дальневосточников и наплывом китайских мигрантов в регион. В этих условиях создание особого административного или экономического режима означало бы дальнейшее сокращение рычагов воздействия центра на свою дальневосточную окраину. К тому же реальный опыт создания особых экономических зон на Дальнем Востоке только укреплял Москву в её нежелании экспериментировать. Этот опыт был негативным. Так, проект СЭЗ «Находка» с его масштабными планами в реальности обернулся уходом из-под налогообложения и растратами немалых бюджетных кредитов без какого-либо видимого результата [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 53. Л. 95—96]. А итоги проверки приграничной торговли в Амурской области показали: в первой половине 1990-х гг. проконтролировать, что и по какой цене экспортировалось и импортировалось, было почти невозможно [ГААО. Ф. Р—2286. Оп. 1. Д. 6. Л. 143—144].

Правительство, понимая, что львиная доля самых многообещающих проектов обернётся банальным обманом государства и дополнительной нагрузкой на федеральный бюджет, блокировало любые проекты, подразумевающие создание специфических правовых режимов для привлечения капитала.

Сегодня эти стереотипы и страхи преодолеваются, тема угроз территориальной целостности России отошла на задний план, и Москва предприняла немыслимые ранее шаги: не только создание специального Министерства по развитию Дальнего Востока, но и формирование специфических налоговых и административных режимов — территорий опережающего развития (далее — ТОР)². Россия набралась смелости, чтобы «экспериментировать» на Дальнем Востоке, а ТОР — едва ли не важнейший проект по развитию этого региона нового министра А.С. Галушки.

Избавление от страхов потерять Дальний Восток было постепенным. На протяжении 2000-х гг. происходили два параллельных процесса: с одной стороны, усиление России в экономическом и военном отношении, а с другой — постепенное «приближение» Дальнего Востока к Москве. Последнее выражалось в развитии транспортной инфраструктуры, частых визитах федеральных чиновников, проведении символических мероприятий (например: саммит Россия — ЕС в Хабаровске в 2009 г., саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г.), в замене местной элиты назначенцами из Москвы. Отсюда мы логически переходим к третьей сфере, в которой произошли изменения.

² По своему смыслу ТОР равнозначны СЭЗ. Разница между ними состоит в том, что первые предполагают больший объём изъятий из российского законодательства, чем это было ранее. Это должно обеспечить глобальную международную конкурентоспособность территорий. Новое название — скорее, стремление сделать акцент на цели, а не на средствах её достижения. Критерии попадания в ТОР: высокая степень готовности проекта, наличие конкретного частного инвестора, обеспечение 8—16 руб. частных инвестиций на 1 руб. бюджетных вложений, наличие рынка сбыта продукции, перспективы роста налоговых поступлений, близость транспортных артерий и трудовых ресурсов.

3. Вертикаль управления по оси центр — регион. В 1990-е гг. мы имели фактически неуправляемое государство. Конфронтация Москвы с губернаторами, в т.ч. и дальневосточными, блокировала обозначение региональных приоритетов и формирование специфических инструментов развития. Слабому центру оставалось только призывать губернаторов к справедливости и соблюдению единых правил игры. Наиболее сильные дальневосточные губернаторы того времени — Виктор Ишаев и Евгений Наздратенко — позиционировали себя в качестве защитников геостратегических интересов России, противостоящих недальновидной политике Москвы. Губернатор Приморского края был активным противником проекта «Туманган» и функционирования СЭЗ «Находка», поскольку их реализация подрывала его собственную власть на территории. Хотя историческая справедливость требует признать, что в такой позиции губернатора был свой резон: российское государство в 1990-е гг. абсолютно не умело контролировать деятельность свободных экономических зон, и от них было больше вреда, чем пользы.

Сегодня политическая ситуация принципиально другая. Вертикаль управления по оси центр — регион не оставляет губернаторам возможностей для сопротивления политике Москвы. Так было до недавнего возвращения к выборности губернаторов. И если на Дальнем Востоке на локальном уровне власти можно встретить широкий диапазон мнений о ТОР (от равнодушия до открытого пессимизма), то на уровне регионального управления эта идея принята, во всяком случае, в рамках публичного дискурса.

На ближайшую перспективу обозначены территориальные приоритеты развития: это Дальний Восток и Кавказ, а в последнее время к ним прибавились ещё Крым и зона российской Арктики. При этом именно на Дальнем Востоке правительство готово допустить наиболее смелые эксперименты со специфическими налоговыми и правовыми режимами. Новому руководству Министерства по развитию Дальнего Востока принципиально важно получить в ближайшее время хотя бы несколько примеров успешной реализации проектов в территориях опережающего развития. Важно, потому что согласия по поводу концепции ТОР нет и в самом правительстве. В дискуссии, разгоревшейся на недавнем совещании по проблемам развития региона с участием президента России, было видно, насколько трудно отстаивать тезис о приоритетности поддержки ТОР [13]. Это, с одной стороны, угроза для успешной реализации данных планов, но с другой — мощный стимул для министра по развитию Дальнего Востока действовать быстро и решительно. Можно сказать, что сегодня в правительстве уже сложилась своеобразная «партия развития Дальнего Востока» и она имеет поддержку президента³. В российской политической реальности это один из главных факторов успеха.

³ К её представителям можно отнести: И.В. Шувалова (первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации), Ю.П. Трутнева (заместитель Председателя Правительства, полномочный представитель Президента в Дальневосточном федеральном округе), А.С. Галушку (Министр по развитию Дальнего Востока).

Всё, о чём говорилось до сих пор, можно назвать «позитивом» для Дальнего Востока в современной ситуации. Вышеперечисленные изменения позволяют заключить, что за последние двадцать лет сложились наиболее благоприятные условия для привлечения иностранного капитала в этот регион. Объективные геополитические условия, «выталкивающие» Россию в АТР, политическая воля президента осваивать восточные районы страны и система административного управления, куда больше приспособленная для реализации этой воли, чем в 1990-е гг., — всё это складывается в пользу развития Дальнего Востока. Однако необходимо сказать о препятствиях для трансформации этого позитива в подъём региона.

Притом, что мы видим, как декларации на высшем уровне власти о намерении задействовать «китайский потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока», так и шаги по сближению с КНР [3], реальная траектория экономического сотрудничества приграничных российских регионов сильно отличается от этих многообещающих планов. Соседство с Китаем до сих пор было фактором деиндустриализации Дальнего Востока, структурных сдвигов его экономики с обрабатывающих секторов на сырьевые и прежде всего — в наименее контролируемые сферы — лесное хозяйство и рыболовство [10, с. 77—89]. В борьбе за привлечение капитала Дальний Восток по объективным параметрам проигрывает не только Китаю, но и европейской части России и Поволжью, где всё-таки удалось создать особые экономические зоны. Поэтому если уже многократно высказанное намерение распространить ТОРы на остальную территорию РФ будет реализовано, то иностранные инвесторы выберут другие регионы страны [9]. То, что Дальний Восток стал приоритетным регионом развития — это, безусловно, положительный сдвиг, на который государство не могло решиться весь постсоветский период, хотя он пока зафиксирован только на словах. Но и эта приоритетность регулярно ставится под сомнение.

На сегодняшний день всё ещё нет веских аргументов, заставляющих власть поверить в возможность быстрого инвестиционного рывка в развитии региона. Ещё более скептическое отношение к перспективам привлечения иностранного капитала можно наблюдать со стороны низового уровня управления⁴. Объективные ограничения и реальный опыт развития Дальнего Востока фактически лишают местные власти стремления к активным переменам. За 1990-е — 2000-е гг. по обе стороны российско-китайской границы накоплен опыт взаимодействия. В сфере «высокой политики» могут приниматься сколь угодно многообещающие проекты, но на местах знают:

а) За декларациями далеко не всегда следуют реальные дела. Ближайший пример — создание мостового перехода Благовещенск — Хэхэ, о котором,

⁴ Такой вывод сделан на основе экспедиций автора по районам Приморского края летом — осенью 2014 г., в ходе которых было собрано около 20 интервью с представителями местной власти и бизнеса.

среди прочего, говорилось в совместном российско-китайском заявлении 20 мая 2014 г. [14, с. 5]. Об этом проекте говорят уже больше 20 лет.

б) Реализация инвестиционных проектов часто не достигает первоначально заявленных целей. Администрации на местах уже привыкли к тому, что иностранный, и чаще других китайский, инвестор рисует радужные перспективы реализации проекта: создание новых рабочих мест, рост налоговой базы и т.п., но в итоге территория часто не получает фактически ничего от его деятельности. Нередко всё ограничивается разговорами и декларациями о намерениях: приезжают делегации, торжественно закладывают «первые камни» и даже обносят территорию забором, но промышленных парков с современными производствами и рабочими местами не появляется. Есть и обратные примеры, когда инвестор строит производство, рассчитывая на государственные заказы, но их не поступает. В итоге предприятие приходится консервировать (случай с корейским заводом ООО «Хендэ Электросистемы»: г. Артём, Приморский край).

в) Реальная деятельность совместных предприятий часто отличается от декларируемой, и порой это порождает конфликты с российским бизнесом, требующим равных условий. И если помнить, что местные власти и бизнес порой тесно связаны друг с другом, то можно предположить, что создание привлекательных условий для иностранных инвестиций будет идти часто вопреки, а не благодаря деятельности местных властей.

Завершая, можно предположить, что в ближайшее время Министерство по развитию Дальнего Востока предпримет попытки создания «историй успеха» — хотя бы нескольких территорий опережающего развития. Скорее всего, мы в скором времени услышим о привлечении какого-нибудь крупного инвестора в регион. Вероятно, информационный шум от таких единичных случаев будет больше реального результата для местной экономики. На этом фоне лоббисты активной дальневосточной политики будут стремиться увеличить долю государственных вложений в Дальний Восток. Например, совсем недавно министр по развитию Дальнего Востока С.А. Галушка предложил закрепить приоритетное финансирование Дальнего Востока в Бюджетном кодексе [2]. В случае успешного развития региона в ближайшие годы нам, вероятно, будет очень сложно выявить главный фактор прогресса: эффективность ТОР или же смещение акцентов бюджетного финансирования и инвестиционной политики государственных корпораций. При этом специальные налоговые режимы на этой территории станут поводом для перманентной борьбы между теми, кто хочет распространить их на другие регионы России, теми, кто стремится сохранить их локализацию на Дальнем Востоке, и теми, кто заинтересован в их отмене. Трехсторонняя проблема (создание благоприятных условий для иностранных инвесторов — обеспечение равных условий для зарубежного и российского бизнеса — учёт фискальных интересов государства) фактически не имеет решения, которое устраивало бы все стороны этого треугольника.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Выступление Алексея Миллера на Петербургском международном экономическом форуме — 2014 // GAZPROM.RU: сайт ОАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/press/miller-journal/805037/> (дата обращения: 10.10.2014).
2. Галушка А. «Важно не только опережающее, но и комплексное развитие Дальнего Востока» // MINVOSTOKRAZVITIA.RU: сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2352 (дата обращения: 15.10.2014).
3. Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России // CARNEGIE.RU: сайт Московского центра Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/2013/05/30/внешняя-угроза-как-движущая-сила-освоения-и-развития-тихоокеанской-россии/gaz8> (дата обращения: 03.10.2013).
4. Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7—28.
5. Папченкова М. Китайские банки стремятся в Россию // VEDOMOSTI.RU: газета «Ведомости». URL: http://www.vedomosti.ru/finance/news/1346551/strojotryad_s_vostoka (дата обращения: 10.10.2014).
6. Попов А., Чернышов С. Мёртвый Восток // Эксперт. 2012. 9 июля. № 27 (810). URL: <http://expert.ru/expert/2013/31/mertvyij-vostok/> (дата обращения 10.10.2004).
7. Путин В.В. Европа должна быть от Владивостока до Лиссабона // NAKANUNE.RU: российское информационное агентство Накануне.ru. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2014/4/17/22349351/> (дата обращения: 08.08.2014).
8. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // MN.RU: газета «Московские новости». URL: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 25.07.2014).
9. Риски и возможности российского бизнеса // EXPERT.RU: деловой общенациональный аналитический ресурс «Эксперт Online». URL: <http://expert.ru/2014/10/10/delovaya-rossiya-gazvorachivaet-biznes-na-vostok/> (дата обращения: 10.10.2014).
10. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
11. Савченко А.Е. Циклы дальневосточной политики Центра: к поиску порождающих факторов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 22—28.
12. Саммит Россия — Европейский Союз // KREMLIN.RU: сайт «Президент России». URL: <http://kremlin.ru/news/201133> (дата обращения: 05.10.2014).
13. Совещание о господдержке инвестпроектов и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке. 1 сент. 2014 г. // KREMLIN.RU: сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/news/4652222> (дата обращения: 25.09.2014).
14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 4—11.
15. Шохина Е. Китай приходит с деньгами [Электронный ресурс] // Эксперт. 2014. 7 ноября. URL: <http://expert.ru/2014/10/7/kitaj-prihodit-s-dengami/> (дата обращения: 08.10.2014).
16. Wallerstein Immanuel The russian-chinese geopolitical game [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iwallerstein.com/russian-chinese-geopolitical-game/> (дата обращения: 01.09.2014).
17. ГААО (Гос. арх. Амурской области).
18. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
19. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).